

вмѣстѣ с этим и, очевидно, по его мысли, в связи с этим, «вновь намѣчается господство религии и этики над социологией, автор сам впадает в марксистскую ересь о приматѣ бытія над сознанием. Не есть ли это плод евразійскаго умонастроения? У евразійства с марксизмом есть нѣчто общее: вѣра в безусловную зависимость культуры от «мѣсторазвитія» — не есть ли это по существу «историческій материализм»?

Отчасти по недостатку мѣста, отчасти по некомпетентности, я не могу коснуться других статей сборника. Моя цѣль была на нѣскольких примѣрах показать, в каком направленіи движется евразійство, и насколько и чѣм оно содѣйствует обогащенію и обновленію научной мысли вообще.³⁾

П. Биццли.

André SIEGFRIED. La crise Britannique au XX siècle. Ed. Colin. Paris. 1931.

Книга Зигфрида вышла как раз накануне финансоваго и политическаго кризиса 1931 года. Читатель не найдет в ней объясненія

³⁾ Дополню изложеніе еще одним примѣром — превосходной статьи П. Н. Савицкаго, «Литература факта в Слово о долгу Игоревѣ» (Прага, 1930), соприкасающейся с историко-географическими изслѣдованіями автора, в которой он вскрыл цѣлый ряд замѣчательно точных географических указаній в описаніях природы, разсѣянных в Слово, и тѣм самым установил новыя точки зрѣнія для эстетической оцѣнки этого памятника.

последних событій, но он найдет ключ к ним: необходимыя экономическія прогномеза к политическому и финансовому кризису.

Зигфрид умный и талантливый наблюдатель, книга котораго о французских партіях имѣла недавно большой и заслуженный успѣх. Долголѣтняя жизнь в Англии и вмѣстѣ с тѣм свобода от англійских традицій и предубѣжденій дѣлает автора особенно компетентным діагностом англійской болѣзни.

Ничего не преувеличивая, спокойный и скорѣе сочувственный аналитик слѣдит за пониженіем кривой англійской индустрии, англійской торговли и ростом безработицы. За цифрами встают грозные факты технической сталости и слабой организованности англійской промышленности, даже по сравненію с послѣвоенной Франціей. Капиталы не приливают в индустрію и предпочитают искать помѣщенія за границей, создавая конкурентов своей странѣ. Презрѣніе к конкуренціи, нежеланіе бороться за рынок современными способами приспособленія и рекламы, пониженіе рабочей энергии (даже числа рабочих часов) в предпринимательском классѣ рисуют аристократическое перерожденіе старой буржуазной Англии. Сокращеніе эмиграціи, нежеланіе безработных искать счастья в колоніях, нѣкогда освоенных трудом их безработных предков, предпочтеніе обезпеченной бѣдности борьбѣ и риску, дополняют картину этого паденія англійской духа экспансіи — в рабочем классѣ.

Интересна критика предлагаемых мѣр для борьбы с застарѣлым кризисом — по трем направлениям: рационализации, инфляци и протекционизма. В настоящее время, как известно, Англія ищет спасенія на обоих путях: вольного протекционизма и невольной инфляци. Любопытно, что автор, скептически настроенный к протекционистским попыткам, сочувственно относится к инфляци.

Мастерской анализ имперских связей и перспектив Англіи, ослабленія экономического и политического единства на фонѣ неизмѣннаго единства культурнаго и, в широком смыслѣ, національнаго, завершает картину. Будущее Англіи не рисуется безнадежным, хотя о сохраненіи былой экономической монополіи и политической гегемоніи не может быть и рѣчи. Соціальная установка автора скорѣе консервативна. Для него пролетаріат, по старому, «рабочія руки», пониженіе цѣн на которыя — самоочевидное хозяйственное благо. Нѣтъ и намеков на возможность трансформациі экономического строя. Это не лишает книгу Зигфрида фактической и даже документальной цѣнности. Блестяще написанная, сжатая (216 стр.), она может служить превосходным введеніем в англійскую проблему.

Г. Ф.

«1931 ГОД». Что такое Россия? К чему она пришла?
Бѣлград. 1931.

Переломная эпоха вызывает стремленіе осмыслить сущность кризиса и найти пути исцѣленія.

От многих других трудов, написанных на эту тему, «1931 год» отличается исключительным единством содержания, проникнутаго цѣльным мировоззрѣніем, сохранившим многія черты стараго народничества.

Исходя из «первоцѣнности человеческой личности», автор, не пожелавшій подписать своего имени, создает схему типов общественной жизни и исторического развитія, основанную на различеніи трех видов «цѣлестремительности» человѣка: автоматическаго, авторитарнаго и автономистическаго, причем послѣдній осуществляется в свободном соціальном сотрудничествѣ, в творческом самоопредѣленіи. Гуманистическій идеал «автономизма» имѣет свою опору в христіанствѣ.

Автор видит трагедію Европы в подчиненіи цѣлевого автономизма — автономизму средств. Покопив силы природы, человѣкъ подчинился механическому темпу их развитія. Общее цѣлесознаніе померкло, и великій расцвѣт духовной культуры прекратился в серединѣ XIX вѣка. В области соціальной «автономической реформизм» Фурье, Мадзини и др. был заглушен марксизмом, сочетавшим культ автоматической эволюціи и авторитарной эволюціи. Западная Европа на распутьи, и автор не увѣрен в ея спасеніи, ибо душа европейца «пуста и темна».

Можно было бы замѣтить, что классификація, основанная на качествѣ цѣлестремленій, не проникает вглубь душевных переживаній и довольствуется обнаруженіем симптомов. Тѣм не менѣе она